

Действительно ли неизбежна провинциализация нашей университетской традиции?¹

Каждый человек чувствует удовлетворение, если он должным образом выполняет свои обязанности — это понятно, мы все знаем это по себе. Будучи преподавателями и исследователями или становясь, — если такова воля коллег, — директорами институтов, деканами и ректорами, мы стараемся делать все, что в наших силах. Часто, особенно принимая во внимание условия, в каких приходится нам работать, — мы оцениваем себя хорошо и даже очень хорошо.

Однако существует определенная область наших усилий, о которой мы вспоминаем нечасто. Я имею в виду наши обязанности по отношению к традиции, которая определила роль университета в культуре и особенно по отношению к привилегии университетской автономии, к той мере свободы, которую университетское сообщество привыкло считать обязательным условием своего существования.

Свобода от чего-то, свобода делать что-то... Первая из них долгое время казалась нам, жителям Центральной и Восточной Европы, единственно важной. Ведь мы воспитывались в учебных заведениях, контролируемых государственной властью, которая не оставляла стараний ограничить свободу науки и обучения. Но сегодня, когда в большей части региона университеты получили широкую автономию, все более очевидным становится наше непонимание того, чему такая свобода должна служить в государстве не репрессивном. В моментах, таких, как этот, переживаемый сегодня, определяющих будущее наших университетов, совсем бесполезно обратиться к истокам.

Университет, миссией которого было развитие науки и подготовка к этому же заданию новых поколений, возник более девятисот лет назад как организация, автономная по отношению к Городу и Церкви. Как это понимать сегодня?

В присяге, которую и теперь принимают молодые кандидаты наук в польских учебных заведениях, сохраняются давние выражения: *non ambitione dignitatis nec sordidi lucri causa sed ut veritas propagetur et lux eius clarius effulgeat*.

Вышеприведенные слова никогда не означали просто декларацию нестяжания, звучащую из уст новых членов научных сообществ (что было бы неправдой). Речь

¹ Выступление, открывшее дискуссию на международной конференции «Автономия университета — шансы и задания» (Варшавский Университет 21–22.09.2005) с участием гостей из Украины, Белоруссии, США и России (делегация Университета Ростова-на-Дону).

здесь о другом. Это напоминание о том, что поиски правды требуют большой независимости от всего того, чем руководствуется общество, окружающее *Universitas*.

Таким образом, можно предложить следующую интерпретацию университетской автономии: это свобода, необходимая тем, кто хотел бы сохранить независимость, не поддаваться сиюминутным общественным и политическим настроениям и модам. Право на такую автономию дает служение правде, свободной от конъюнктуры.

Если мы не мерим высоким мерилом, автономия нам ни к чему, — пригодится она тогда разве что для карикатуры: быстрой приватизации общественного достояния, каким являются государственные учебные заведения.

Позволю себе выразить одновременно свое беспокойство и свою надежду, которые в равной степени исходят из убеждения в том, как много мы можем потерять и как много приобрести, соглашаясь или не соглашаясь на то, что я называю «провинциализацией нашей университетской культуры». Истинной мерой того, о чем я говорю, являются не только позиции отдельных вузов и ученых в списках престижных учебных заведений или конкурентоспособность научной продукции отдельных институтов в международном масштабе. Истинной мерой является наше самочувствие. Конечно, не то «хорошее самочувствие», которое и является симптомом настоящего и глубокого провинциализма, порождением гордыни, возникающим от нежелания осознать ограниченность своих горизонтов и амбиций.

Я имею в виду такое духовное состояние, которое не позволяет смириться с ситуацией, когда образовательная модель (в смысле институциональном или интеллектуальном) создается без нашего участия, а нам остается только умело вписаться в эту модель.

Пишу это постольку, поскольку главной проблемой широко понятой гуманистики в нашей части Европы представляется мне, кроме вопросов финансирования и правового регулирования, согласие или несогласие научных сообществ на периферийность.

Европейский или американский образец принять? А что, собственно, мы можем изменить в готовой модели? Финансовых возможностей нет, поддержать тоже никто не поддержит... Все равно, на что жаловаться, только бы подыскать себе алиби. А наши ученики, стремящиеся к полноте знания, где-то в других местах будут искать тех, кто выведет их за горизонты, очерченные для просто хорошо подготовленных специалистов.

Все это означает, что программы разных типов образования, создающиеся за границами нашего региона, будут у нас вводиться, и некоторые из нас этим именно будут заниматься. Таким образом, мы сами ставим себя в пассивное положение инструктируемых и тренируемых. Более того, распространяется мнение, что только на такую деятельность будут находиться средства. *Ergo* энергия.

Но должно-то быть иначе. В деятельности гуманитария в нашем регионе Европы (так, во всяком случае, подсказывает мне мой польский опыт), очень важно действовать за границами того, что предлагает система.

В современном мире сосуществуют многие образовательные модели, а Центральная и Восточная Европа имеет шансы, чтобы стать необыкновенно интересным партнером, привносящим в дискуссию уникальный исторический опыт и свои особенные добродетели, а также ценное практическое знание о грозящих современному университету патологиях.

Другим источником моего оптимизма является сознание, что все предпринятое нами от 1989 года по созданию Межфакультетского Индивидуального Гуманитарно-

го Обучения (МИГО – MISH), Международной Гуманитарной Школы Центральной и Восточной Европы (МГШ – MSH), Академии «Artes Liberales» (AAL)², – не напрасно и что только на первый взгляд это авторские программы. На самом деле все уже созданное коренится в деятельности научного сообщества, которое нашло такой избегающий системы способ выражения своей воли. В течение этих лет мы встретились с такой ничтожной дозой неприятия, зависти и оговоров, как если бы все происходило не в Польше. Мы пользовались большой поддержкой и пониманием со стороны людей, которые, может, и могли бы быть обеспокоены – со стороны ректоров, деканов, – да что там, – даже министерства и контрольных комиссий.

Ведь понятно, что если около тысячи профессоров захотели, отставив в сторону свои ежедневные хлопоты и конфликты, включиться в это образовательное движение, практически ничего не получая взамен, – это может свидетельствовать только об одном – о том именно, что такая деятельность дает им чувство надлежащим образом выполненных обязанностей, которые можно выполнять только реализуя свою свободу.

Думаю, что в такой потребности выполнения своих обязанностей выражается сама идея университета. Та идея, смысл которой символически представлен в осмеянной журналистами церемонии ректорской инвеституры, в которой цепь, перстень и скипетр означают суверенность. Не та суверенность, которая дает право свободного функционирования фирмы в условиях свободного рынка, но суверенность, приносящая свободу, необходимую для служения правде. В поисках правды и в деле преподавания правды не может быть места сознательному снижению предъявляемых к себе требований. Правда – она как осетрина, – не имеет второй свежести.

Часто слышишь, что человек существует исключительно для себя самого, а любая группа, если дать ей свободу, становится профсоюзом или чем-то подобным. Но ведь не на таких убеждениях основана идея университета. Наоборот, университет является именно тем местом, где учили и учат остерегаться такого рода искушений, учат реализовать свои силы иными способами.

Я уверен, что в наших университетах достаточно людей, которые понимают, что в университетской среде они могут по настоящему пользоваться своей свободой и учить этой свободе других. Первым вступительным условием является вера в то, что мы не обречены на провинциализацию, что мы не только толпимся на образовательном рынке, но, прежде всего, участвуем в состязании за достойное место нашего государства и региона в Европе.

Мне хотелось бы, чтобы наши совместные начинания были восприняты как подготовка к созданию в Центральной и Восточной Европе новой структуры – Международного Центра Образовательных Инициатив. Задачей Центра было бы формулирование собственных образовательных концепций, а также анализ и присвоение европейских и американских моделей обучения так, чтобы наша деятельность, вырастая из глубины наших собственных культур, оказывала воздействие на мышление тех, кто предлагает эти модели.

² См.: www.obta.uw.edu.pl